

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В РУССКОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

К. А. Орляк¹⁾, А. В. Максименко²⁾

¹⁾Донбасский государственный университет юстиции, ул. Лебединского, 9
283049, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация,
dguj_minjsta@mail.ru

²⁾Донбасский государственный университет юстиции, ул. Лебединского, 9
283049, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация,

В статье рассматривается проблема заимствования иноязычной юридической терминологии в условиях глобализации. Автор анализирует механизмы включения иностранных терминов в национальное законодательство, выделяет риски необоснованного переноса понятий и демонстрирует их на примерах англосаксонских институтов. В работе сформулированы критерии качества юридического термина и предложены меры по снижению рисков.

Ключевые слова: юридическая терминология; заимствования; глобализация; правовая система; адаптация терминов; юридический перевод; правовая определённость.

FOREIGN LEGAL TERMS IN RUSSIAN LEGAL DISCOURSE

К. А. Orlyak¹⁾, А. V. Maksimenko²⁾

¹⁾Donbass State University of Justice, Lebedinsky St., 9
283049, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation, dguj_minjsta@mail.ru

²⁾Donbass State University of Justice, Lebedinsky St., 9
283049, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

The article examines the problem of borrowing foreign legal terminology in the context of globalization. The author analyzes the mechanisms for the inclusion of foreign terms in national legislation, highlights the risks of unjustified transfer of concepts and demonstrates them using Anglo-Saxon examples. The paper formulates the criteria for the quality of a legal term and suggests measures to reduce risks.

Keywords: legal terminology; borrowings; globalization; legal system; adaptation of terms; legal translation; legal certainty.

Актуальность исследования иноязычных юридических терминов обусловлена глобализацией: растущая интеграция правовых систем требует заимствования и адаптации зарубежной терминологии для обозначения новых правовых реалий и унификации международного общения. При этом использование иноязычных терминов сопряжено с рисками — оно может затруднять понимание законов, приводить к неоднозначности

трактовок и правовой неопределённости, особенно если заимствования применяются без достаточных оснований или вытесняют устоявшиеся русские эквиваленты. Исследования в данном направлении помогают выработать критерии обоснованного заимствования, обеспечить терминологическую преемственность и повысить качество российского законодательства в условиях международного взаимодействия. Эта проблематика напрямую связана с профессиональной подготовкой юристов: поскольку каждая отрасль права обладает собственной специфической терминологией, будущим специалистам критически важно осознанно оперировать как русскоязычными, так и иноязычными юридическими понятиями.

Изучение иностранного языка в юридическом вузе преследует практические задачи: прежде всего будущие юристы должны уметь объяснять зарубежным коллегам особенности российского права, а также соотносить и выявлять сходства и различия между российскими и иностранными правовыми институтами и понятиями [1]. Именно поэтому такое обучение носит интегративный характер: наряду с лингвокультурными сведениями и формированием речевых навыков студенты осваивают системные материалы по профильным темам, усваивают их содержание и приобретают профессиональные коммуникативные компетенции на иностранном языке, что способствует развитию абстрактного и специального мышления. Работа с тематическими текстами на иностранном языке и систематизация полученной информации представляют собой более высокий этап овладения учебным материалом и профессиональным содержанием дисциплины (например, отрасли права, судопроизводство) и являются ключевым критерием эффективности применения системного подхода в иноязычном образовании [2].

Этот процесс неизбежно связан с освоением иноязычной юридической терминологии, поскольку значительная часть современных правовых понятий пришла в русский язык из других языков. Языковые заимствования широко распространены и являются естественным этапом развития любого языка, а не просто модной показухой. Они появлялись на разных исторических этапах, имеют глубокие корни и представляют собой одну из закономерностей лексического развития: заимствованная лексика обогащает язык и делает его более гибким. Некоторые слова вошли в речь так давно, что их иностранное происхождение может распознать лишь специалист-лингвист (например, слово «вина» восходит к латинским и древнеиндийским корням [3, с. 316]).

При этом в юридической сфере заимствования подчиняются особым требованиям: правовая терминология должна быть нормативной и концептуально точной, ведь от корректности терминов напрямую зависят

права и обязанности людей. Поэтому иноязычные понятия, попадая в правовую систему, не просто переходят из одного языка в другой – они проходят сложный путь адаптации, включающий в себя терминологизацию, нормативную фиксацию, фонетико-графическую и морфологическую интеграцию, семантическую переработку. Например, слово «*сервитут*» было заимствовано из латинского языка (лат. *servitus, servitutis*) [4, с. 602] и стало использоваться в юридическом контексте для обозначения права пользования чужим земельным участком. В российском праве понятие сервитута закрепилось в Гражданском кодексе (ст. 274-277) как термин, обозначающий специфический правовой институт, который подвергся, в свою очередь, семантической переработке: в античном праве *servitus* могло обозначать различные виды обязательств, а в современном российском праве сервитут строго связан с правами на недвижимость. При этом произошла фонетико-графическая и морфологическая интеграция: латинское слово *servitus* адаптировалось к фонетике и графике русского языка, превратившись в «сервитут», к тому же морфологически термин склоняется по правилам русского языка (сервитут – сервитута – сервитуту и т. д.).

Среди механизмов заимствования встречаются прямые заимствования («*нотариус*» от лат. *notarius*), семантические и структурные кальки («*правопорядок*» от лат. *ordo iuris*), семантические заимствования (употребление термина «*лицо*» в значении субъекта права расширилось под влиянием лат. *persona*, употребляемого в контексте юридического или физического лица) и гибриды («*сертифицировать*» от лат. *certificare* + рус. суффикс -ир-, -ова- + рус. окончание -ть). Причины таких заимствований разнообразны: появление новых правовых и экономических институтов, международная интеграция, а также исторический престиж языков-доноров (латыни, французского, немецкого, английского).

Однако процесс заимствования далеко не всегда проходит гладко и особенно остро проблемы проявляются при переносе правовых понятий из систем с принципиально иной традицией. Перенос англосаксонских правовых институтов (таких как *trust, equity, consideration*) в континентальную систему вызывает существенные трудности, поскольку для них отсутствуют точные эквиваленты в романо-германском праве. Это вынуждает правовую систему искать обходные пути: разрабатывать специальные термины, давать развёрнутые описательные определения или осуществлять законодательную инкорпорацию, т.е. прямое включение иностранных правовых конструкций в национальное законодательство (англ. *trust* в российском праве – «*доверительное управление имуществом*»). Однако подобные решения несут серьёзные риски – появляются «ложные друзья» переводчика (англ. *trust* не является эквивалентом

русского термина «*траст*»), ведущие к разночтениям в правоприменении; правовая неопределённость, подрывающая предсказуемость правовых последствий [5]. Для снижения этих рисков нужны систематическая терминологическая работа и стандартизация, т.е. разработка четких нормативных определений в законах, создание специальных глоссариев и корпусных баз данных при тесном сотрудничестве юристов, лингвистов и переводчиков, при этом при выборе стратегии передачи термина необходимо руководствоваться принципом контекстуальности, т.е. учитывать конкретный правовой контекст и функциональную нагрузку понятия.

Примечательно, что подобные сложности контрастируют с иной исторической практикой заимствования в праве. Большая часть юридической лексики в европейских языках, включая русский, исторически заимствована из латинского, и эти заимствования прошли успешную адаптацию. Латинские афоризмы и формулы прочно вошли в повседневную и процессуальную речь: *статус кво* (*status quo*), *де-факто* (*de facto*), *де-юре* (*de jure*), *презумпция невиновности* (*praesumptio innocentiae*), *в первой инстанции* (*in prima instantia*), *алиби* (*alibi*) и многие другие [6]; латинская терминология закрепились в силу авторитета римского права и роли латинского как языка науки.

Немалое влияние оказал французский язык, особенно через Наполеонов кодекс и дипломатические практики: слова и понятия вроде *форс-мажор* (*force majeure*), *кассация* (*cassation*), *контракт* (*contract*), *деликт* (*délit*) и многие процессуальные обороты пришли из французской юридической традиции и переводились в законодательство стран континентальной системы.

Англоязычное влияние особенно заметно в корпоративном, коммерческом и международном праве: *арбитраж* (*arbitration*), *комплаенс* (*compliance*), *аутсорсинг* (*outsourcing*), *мерджер/поглощение* (*merger*), а также ряд процессуальных и договорных терминов фиксируются в оригинале в международных контрактах (*force majeure* – *форс-мажор*).

Немецкая юридическая мысль дала термины и концепты, которые переводились как целые институты – например, сама идея правового государства часто передавалась через немецкое *Rechtsstaat* – термин, возникший и утвердившийся в немецкой литературе в первой трети XIX века. После 1945 года во многих странах континентальной Европы получили активное применение иноязычные эквиваленты немецкого понятия *Rechtsstaat*: «*Etat de droit*», «*Law State*», «*Stato di diritto*», «*Estado de derecho*», в том числе и русское «*правовое государство*» [7].

Греческие и латинские корни присутствуют во многих общеправовых названиях: *юрисдикция* (от лат. *iurisdictio*), *фидуциарный* (от лат. *fiducia* – доверие), *ликвидация* (лат. *liquidatio*), *делегирование* и пр., а

терминология международного права и теории государства заимствует как латинские, так и эллинские корни.

В результате современная юридическая речь представляет собой сочетание исконных слов и пластов заимствований, где многие иностранные термины либо полностью ассимилированы, либо сохраняют оригинальное написание и употребляются с пояснениями в текстах законов и международных соглашениях. Такая неоднородность лексического состава – не просто следствие исторических контактов, но и отражение глубинных различий правовых систем: каждое заимствование несёт в себе «след» исходной правовой традиции, её концептов и способов регулирования.

Именно поэтому сопоставление английской и русской юридических систем затруднено тем, что соответствуют не отдельные слова, а юридические системы в целом; словарные эквиваленты нередко вводят в заблуждение. Например, кажущийся очевидным перевод *trust* как «*траст*» или *consideration* как «*встречное предоставление*» может скрыть принципиальные расхождения в правовом режиме и функциональном назначении этих институтов. Механическая подстановка одного термина вместо другого без учёта системного контекста ведёт к искажению смысла и создаёт риски для правоприменения.

В этой связи особенно важны чёткие критерии качества юридического термина. По С. П. Хижняку, к юридическому термину предъявляются следующие требования: однозначность в пределах одной правовой системы, общепризнанность и отсутствие «особого» значения, неизменность смысла в разных контекстах, логическая связь с другими терминами системы, соотнесённость с профессиональной сферой употребления [8]. Эти требования задают ориентир для отбора и адаптации заимствований, т.е. термин должен не просто «вписаться» в язык, но и органично встроиться в систему права, не нарушая её внутренней согласованности и предсказуемости.

Таким образом, анализ процессов заимствования юридической терминологии позволяет сделать ряд ключевых выводов. Глобализация и интеграция правовых систем объективно требуют включения иноязычных терминов в национальное законодательство, однако этот процесс сопряжён с существенными рисками – от усложнения понимания законов до правовой неопределённости. Исторический опыт показывает, что успешная адаптация заимствований возможна лишь при соблюдении строгих критериев: однозначности термина, его общепризнанности, неизменности смысла в разных контекстах и логической связи с другими элементами правовой системы. Особенно проблематичен перенос понятий из принципиально иных правовых традиций (например, англосак-

сонских институтов в континентальную систему), что требует не механического копирования, а глубокой терминологической работы – разработки новых определений, стандартизации и междисциплинарного взаимодействия специалистов. В этой связи особую значимость приобретает профессиональная подготовка юристов, способных осознанно оперировать как русскоязычными, так и иноязычными терминами, учитывая системный контекст и функциональную нагрузку каждого понятия. В конечном счёте грамотное управление процессами заимствования служит важнейшим условием повышения качества законодательства и предсказуемости правоприменения в условиях международного взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Калиновская В. В. Юридическая терминология: заимствование и перевод // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. №11 (51). С. 68-72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-terminologiya-zaimstvovanie-i-perevod> (дата обращения: 26.10.2025).

2. Королева Н. М. Использование интегративного подхода в иноязычном образовании // Наука Красноярья. 2012. №3.1 (03). С. 95-101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-integrativnogo-podhoda-v-inoyazychnom-obrazovanii> (дата обращения: 26.10.2025).

3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д): пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс. 1986. 576 с.

4. Словарь иностранных слов современного русского языка / Составитель Егорова Т. В. М.: «Аделант». 2014. 800 с.

5. Балашова Е. Ю., Лазовская Н. В. Проблемы перевода юридической терминологии в аспекте международного правового дискурса // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2022. №1 (6). С. 34-44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-yuridicheskoy-terminologii-v-aspekte-mezhdunarodnogo-pravovogo-diskursa> (дата обращения: 27.10.2025).

6. Хорькова И. В. Латинская терминология как необходимый компонент юриспруденции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 10 (826). С.111-118.

7. Ударцев С. В., Темирбеков Ж. Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 5-16.

8. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / Под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, изд-во Саратов. ун-та. 1997. 136 с.